

Бессмертные могли казаться сколь угодно далекими и неприступными, но маленькому кролику до их величия не было никакого дела. Хан Цзянсюэ с самого детства привык к тому, что его толком не воспринимали всерьез, а отказ для него давно стал делом обыденным.

Помявшись пару мгновений, он поспешно забрался в свою Сумку ста сокровищ и выудил оттуда кое-что важное.

Это была позолоченная баночка, расписанная серебряной пудрой: на её боках тянулись гряды чайных гор.

— Это вам! Прекрасный чай! — звонко выкрикнул кролик, вытягивая баночку в лапках, чтобы хоть как-то спасти положение.

Третий брат всегда учил его: в мире людей, если дела не клеятся, первым делом нужно предложить чаю. Если же чай не поможет — тогда ведут обедать! Повинуясь этому правилу, редкое дело заходило в тупик.

Однако Хан Цзянсюэ и представить не мог, что даже при виде чая стоящий перед ним бессмертный не шелохнется.

— Чай... слишком плохой? Или вам нужно что-то другое? Я найду! — с робкой надеждой спросил Хан Цзянсюэ.

Небожитель лишь качнул головой. За свою жизнь он повидал немало, но всё же с трудом понимал, откуда перед ним взялась эта баночка с заваркой.

Большинству оборотней и духов, желающих принять человеческий облик, приходится проходить через суровые испытания небес. Чтобы хотя бы заговорить на человеческом наречии, первым делом требуется расплавить поперечную кость в горле — таков первый шаг к перерождению.

Этот кроха явился проситься в ученики, даже не сменив облика; стало быть, обращаться он ещё не способен. Но если так, сумеет ли лапка, которая короче собственного уха, удержать меч?

Духам свойственно слепое упрямство: даже если отказать прямым текстом, зверёк, скорее всего, так и останется ждать у порога. Будь на его месте дух чёрного медведя или верблюда, небесный владыка даже показаться бы не изволил — пусть себе мерзнут снаружи.

Но сейчас у него на ладони сидел пушистый комок с едва ощутимым весом — словно свежеслепленный пирожок-баоцзы.

Уголки губ бессмертного чуть приподнялись:

— Мне всего хватает. Вот только кошки нет, чтобы ловлей мышей заняться.

Смысл был предельно прост: учеников он не берет, и даже путь в простые слуги для кролика закрыт.

Кто же знал, что Хан Цзянсюэ вылупит круглые глазенки и от радости запрыгает прямо у него на ладони!

— Я умею! Я умею! Меня взрастила мама-кошка! Я мастерски ловлю мышей! Я вполне сойду за кота!

С пышной ветви персика сорвалась шапка снега и с глухим стуком рухнула оземь, будто подкрепляя истинность его слов.

Бессмертный опешил.

Даже ему не нашлось, что ответить на подобное заявление. Менять тему теперь казалось бы ребячеством и низостью. И хотя праведником он себя никогда не считал, хитрить против крохотного зверька тоже казалось недостойным. Он попал в собственную ловушку.

Хан Цзянсюэ тем временем активно размахивал лапками и торопливо допытывался:

— А у господина бессмертного много мышей? Что за мыши? Зерно таскают? Одежду и ножки столов грызут?

Кролик изо всех сил боялся, что ему не поверят. Кабы представился случай, он бы прямо сейчас поймал мышь, дабы доказать свое усердие!

Загнанный в тупик бессмертный вздохнул:

— Через три дня снегопад утихнет. Если продержишься до тех пор — тогда и поговорим.

Сложно сказать, сумеет ли этот пушистый малыш поймать хоть кого-то, но за три дня он, пожалуй, поймет, что оставаться здесь бессмысленно, и уйдет сам. К чему понапрасну спорить?

Однако глаза Хан Цзянсюэ вспыхнули восторгом! Он решил, что уловил скрытый смысл!

За три дня он очистит Обитель Опавших Персиков от всех мышей до единой!

Порыв ветра колыхнул воздух, и бессмертный исчез. Хан Цзянсюэ быстро подхватил свой

узелок, с пыхтением перевалился через высокий порог и вступил во внутренний двор.

— Интересно, где я буду спать? Братья-ученики, меня зовут Хан Цзянсюэ, прошу прощения за беспокойство! — весело прозвенел кролик, но ответом ему была лишь тишина.

Двор утопал в сугробах. Далекие павильоны и близкие залы выглядели так, будто стояли заброшенными не одно десятилетие — от них веяло мертвенным запустением.

Обнимая узелок, Хан Цзянсюэ молча проковылял по крытой галерее. В пруду под подмостками не плескались рыбы. Толкнув наугад дверь, он обнаружил спальню: убранство благодаря защитным чарам оставалось чистым и нетронутым.

И ни единой живой души.

Лишь древние персики да сам бессмертный.

Хан Цзянсюэ склонил голову набок, размышляя: у искателей дао путь один — либо уйдут в уединенную медитацию, либо спускаются с гор в мир. Стало быть, сейчас в обители остался лишь один хозяин!

«Ой... а ведь я так и не спросил имя господина бессмертного!»

Кролик огорчился, давая себе слово при следующей встрече узнать всё до мелочей.

Янь Фэйду стоял у окна уединенной обители. Он наблюдал, как малый кролик снизу некоторое время переминался с лапки на лапку, а затем деловито принялся обуустраивать свой быт.

Внезапно в груди снова отозвалась знакомая давящая боль. Янь Фэйду сплюнул подступившую к горлу кровь.

Стерев алый след с губ, он лишь холодно усмехнулся.

Кажется, в Облачном Море за Пределами Небес уверовали, будто подобным образом его можно уложить в могилу? Рановато празднуют победу.

Опустившись на циновку, он закрыл глаза и погрузился в медитацию.

По четырем углам покоя курился целебный фимиами из бронзовых кадила, но внутри веяло ледяным хладом — куда более лютым, чем заснеженный двор снаружи.

На следующее утро Хан Цзянсюэ поднялся на рассвете. Выскочив во двор, он зарылся мордочкой в пушистый снег, умылся лапками и тут же приступил к поискам.

Нынешние мыши совсем страх потеряли — еще прошлой ночью кролик слышал, как кто-то нагло точит зубы о деревянные ножки стола!

Набравшись сил, он сжал свой маленький деревянный мечик и вышел на охоту.

Да, в отличие от кошек, у Хан Цзянсюэ не было ни острых когтей, ни клыков. Но как же поймать добычу?

Он без труда отыскал пару мышиных нор и аккуратно закатил внутрь по кусочку вяленой рыбы из своих запасов.

Спустя время он подбросил еще по лакомству, выстраивая заманчивую дорожку наружу.

Сам же Хан Цзянсюэ зарылся в сугроб, затаил дыхание и стал ждать, затаив собственный запах.

Вскоре из темноты норы показалась усатая черная мордочка. Мышь, поводя носом, высунулась наружу, принялась и юркнула на волю.

Хан Цзянсюэ крепче сжал деревянную рукоять. Стоило зверю наклониться к рыбе, как кролик взвился из снега!

— Ха-а-ать! Получи мечом!

Маленький деревянный клинок со свистом обрушился прямо на мышиный лоб!

Огромная тварь, превосходившая размерами самого Хан Цзянсюэ, даже пискнуть не успела — упала замертво от одного точного удара.

Пусть когтей нет, зато есть верный меч!

Кролик подтолкнул тушку лапкой. Обычно те, кто первыми вылазят из норы — самые сильные и наглые в стае.

Разобравшись с вожакom, Хан Цзянсюэ решительно юркнул в саму нору. Оставшиеся там мыши не смогли оказать ему ни малейшего сопротивления.

Увы, на этом удача Хан Цзянсюэ иссякла. До самого третьего дня ему не попало больше ни единого мышиного следа.

Кролик упал на колени и от досады заколотил пухлыми лапками по замерзшей земле.

Ну почему?!

Он уставился на единственную тушку огромной мыши, одиноко лежавшую посреди двора и успевшую превратиться в ледышку. Всего одна! Одна-единственная!

Всем известно: мыши живут семьями. Но сколько Хан Цзянсюэ ни обшаривал углы, второго гнезда он так и не нашел!

Неужели его мечте выбить мышиный род под корень не суждено сбыться?

Хан Цзянсюэ вздохнул: видно, ему попалась мышь-одиночка, гордый странник.

Но что подумает бессмертный, когда придет проверять работу? Решит, что кролик умеет лишь чесать языком?!

Обычно коты, поймав добычу, с гордостью приносят её к дверям хозяина. Но тащить одну-единственную замороженную тушку Хан Цзянсюэ просто стыдился.

Поджав лапки, кролик уныло сидел в сугробе и уставился в небо.

Неужели ему не судьба стать учеником Обители Опавших Персиков?

— Пи-пи!

Повисшие ушки мгновенно взмыли торчком!

Хан Цзянсюэ повернул голову влево. Ночь стояла глухая, и помимо тихого шелеста падающих снежинок до него донесся легкий, едва различимый шорох.

Мышь? Еще одна мышь?!

Словно молния, кролик рванул в сторону кухни!

Его лапки дробно застучали по деревянному настилу галереи, будто кто-то рассыпал пригоршню спелых вишен.

Одним махом Хан Цзянсюэ взлетел на подоконник!

— Пи-и-и! — раздался отчаянный писк.

Кролик глянул вниз и обомлел: [0159] Кролик глянул вниз и обомлел: два серебристых хомяка, заслышав шум, бросились дёру, но пухлые щеки застряли в ячейках плетёной корзины! Они беспомощно барахтались, не в силах податься ни вперед, ни назад.

Стоило им встретиться взглядом с Хан Цзянсюэ, как из их набитых ртов вывалились тыквенные семечки.

— Пи-пи-пи! — «Господин вожак! Пощадите! Мы так проголодались, что просто не выдержали и вылезли подобрать крошки!»

— Пи! — «Считайте, что нас уже нет в живых!»

Хан Цзянсюэ недоуменно почесал за ухом, спрыгнул на пол и воззрился на дрожащие пушистые комочки. Лишь спустя пару минут сбивчивого писка он понял, в чем дело.

Оказывается, А-Да и А-Эр жили здесь с самого рождения. Но однажды появился крысиный вожак — тот самый, которого Хан Цзянсюэ уложил деревянным мечом, — прибрал к рукам всю еду, а когда голодал, заглядывался и на хомяков.

Им приходилось кротко выжидать, пока грозный сосед уснет, чтобы вылезти из щели за упавшими семечками, а затем в страхе прятаться обратно.

Теперь, когда крыса сгинула, Хан Цзянсюэ невольно стал их новым вожаком.

Вот только сам кролик становится главой хомячьей стаи вовсе не собирался.

— Раз вы живете тут с самого начала, значит, вы и есть та мышиная напасть, о которой говорил бессмертный?

Хан Цзянсюэ склонил голову, разглядывая перепуганных зверьков, и озадаченно скрестил лапки на груди.

Мама-кошка никогда не учила его охотиться на хомяков.

Вернее, стоило завести разговор о хомяках, как мать лишь презрительно фыркала: разве это мыши? Людей не беспокоят, сыты травой да семенами, порой тайком подслушивают уроки у книжников, учатся почтению и правилам, а то и переводят старых духов через дорогу. Чистой

воды добропорядочные жильцы!

Иными словами, кошки их за добычу не считали.

Но раз бессмертный поставил условие, Хан Цзянсюэ не мог просто закрыть на это глаза.

— Семечки больше не трогать, — строго велел Хан Цзянсюэ, заставив их выплюнуть добычу.

— Пи-пи? — «Вожак, а что же нам есть?»

Хан Цзянсюэ посмотрел в их наивные черные глазки-бусины и крепче сжал свой деревянный мечик.

После завершения полного круга циркуляции ци давящая боль в груди Янь Фэйду немного утихла.

Хотя до полного выздоровления было еще далеко, сегодня он мог позволить себе выйти из уединенной обители.

Память у него была отменная: он прекрасно помнил свой уговор с маленьким кроликом. Впрочем, пушистый гость, скорее всего, давно ушел.

Однако, шагнув за порог и увидав во дворе свирепо издохшую огромную крысу, Янь Фэйду на мгновение лишился дара речи.

Неужто дело рук того крохи? Он и впрямь умеет ловить мышей?

Подойдя ближе, бессмертный разглядел на голове зверюги глубокую рану, оставленную чем-то вроде прямого клинка.

Из дальнего угла галереи донеслись тихие звуки. Янь Фэйду неторопливо направился туда и увидел под навесом упитанного кролика в коротких штанишках и рубахе.

Рукава и штанины были подвернуты, а сам Хан Цзянсюэ, забавно согнув незаметную талию, хлопотал над цветочным горшком.

Неподалеку [0212] Неподалеку два серебристых хомяка дружно поливали землю из крохотной площадки.

Хан Цзянсюэ с выдохом выпрямился, хлопнул лапками по глиняному боку и наставительно произнес:

— Поняли? Семена нужно сажать! Если неумоги от голода — сажайте латук! В доме тепло, быстро прорастет. Срежете один урожай — вскоре подрастет новый. Больше никаких краж!

А-Да и А-Эр торопливо закивали, пища в знак согласия.

Разума у них немного прибавилось, но кость в горле они еще не расплавили, так что говорить не умели, зато слушали с предельным усердием.

Заслышав шаги за спиной, Хан Цзянсюэ спохватился и мгновенно обернулся.

Увидев Янь Фэйду, кролик весь подобрался и натянулся как струна.

— Господин бессмертный! Я перебил всех мышей! Правда, была всего одна... А эти двое — хомяки, они не из тех вредителей! Но я их уже наставил на праведный путь! Теперь они будут сами выращивать себе еду и больше не утянут ни единого тыквенного семечка!

Янь Фэйду про себя подумал, что он вроде бы не был настолько скупым, чтобы жалеть какие-то семечки для хомяков.

Глядя на то, как кролик гордо выпятил пухлую грудь и встал перед хомячками, заслоняя их собственным телом, он невольно уловил в этом жесте защитный порыв.

Если бы малыш передумал учиться, он бы не стал убивать ту крысу. Но при этом здесь оставались животные, которых он пожалел.

И впрямь, хомяки не совершили никакого зла. Любой другой на месте Янь Фэйду нашел бы предлог выставить кролика прочь, но, глядя на это доброе сердце, бессмертный тихо произнес:

— И все же в ученики я тебя взять не могу.

Глаза Хан Цзянсюэ широко раскрылись. Неужели от него и впрямь требуют забить насмерть бедных хомяков?!

Длинные ушки уныло повисли. Но тут Янь Фэйду добавил:

— Однако ты честно справился с ловлей мышей. Если хочешь обучиться приемам меча — я могу тебя обучить.

Радость захлестнула Хан Цзянсюэ с головой! Не помня себя от счастья, кролик оттолкнулся сильными задними лапками и швырнулся прямо к груди бессмертного!

— Великая благодать господина бессмертного...

Слова благодарности потонули в воздухе: перед глазами кролика вспыхнули алые брызги.

Янь Фэйдун от мощного удара мгновенно сплюнул кровью и замертво повалился навзничь!

Хан Цзянсюэ застыл с открытым ртом, находясь в глубоком шоке:

«... Неужели я настолько силен?!»

<http://bllate.org/book/20471/2106287>